

СТРАДАТЕЛЬНЫЕ ПОДЛЕЖАЩИЕ В БОЛГАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ¹

П.Н.Осенова (Болгария, София) и А.Мосинец (Россия, Санкт Петербург)

Цель работы – исследование семантических типов подлежащих в предложениях с глагольной формой в страдательном залоге в болгарском и русском языках с точки зрения перевода.

Мы исходим из того, что пассивные конструкции являются производной диатезой, при которой имеется аргумент с синтаксически повышенным/пониженным статусом и/или исключенный из высказывания [Димитрова 2009, с. 13]. Наблюдения, произведенные на корпусном материале, показывают дистрибуцию определенных типов страдательных подлежащих в реальных текстах. В качестве семантических ограничений для страдательных подлежащих могут использоваться как семантические роли (пациенс, тема, цель и др.), так и основные онтологические категории (человек, животное, растение, событие, артефакт, абстрактный объект, конкретный объект и др.).

Нас интересуют морфосинтаксические параллели во выражении пассивных конструкций с определенными онтологическими категориями в обоих языках.

Страдательный залог в болгарском и русском языках: обзор

Страдательный залог в данном случае предполагает, что глагольная форма является причастно-страдательной или содержит формант 'се/ся'. Подлежащие в таких предложениях для краткости мы называем «страдательными подлежащими». Это предполагает, что речь идет о «глубинных» прямых объектах, подвергающихся воздействию в самом общем смысле.

Страдательный залог в болгарском языке выражается двумя способами: с помощью страдательного спряжения (вспомогательный глагол и страдательное причастие прошедшего времени) и се-спряжения (грамматическое время плюс частица *се*). Мы соглашамся с определением страдательной конструкции, данным Й. Пенчевым: «страдателна конструкция е тая, която е резултат от придвижването на допълнението в позицията на подлога с промяна на синтактичната му функция от обектна в подложна, но без промяна на лексикални единици или на семантични роли» [Пенчев 1984, с. 99].

Страдательный залог в русском языке, как и в болгарском, выражается двумя способами, но формат *-ся* является частью слова.

В сопоставительном плане болгарские пассивные конструкции на фоне русских рассмотрены в [Иванова, Градинарова 2015, с. 415-424], где указывается, что вследствие аналитического характера болгарского языка страдательные конструкции в нем более

---

¹ Исследование выполнено в рамках международного проекта при финансовой поддержке РФФИ, Россия (№ 18-512-18003) и Фонда «Научни изследвания», Болгария (проект ДНТС/РУСИЯ 02/2).

частотны, нежели в русском, а также отмечено ограниченное употребление возвратного перфектного пассива в русском языке по сравнению с болгарским.

Корпусный анализ и онтологические ограничения участников

Болгарские примеры взяты из болгарского корпуса с синтаксической разметкой Бултрибанк², а именно из его версии с универсальными зависимостями (156K). Общее число предложений, из которых сделана выборка, 11 138.

Русские примеры отобраны из 3 русских корпусов с синтаксической разметкой (GSD, Taiga и PUD³), соотносимых по величине с болгарским корпусом, а также из Национального корпуса на русском языке.

Синтаксические корпуса не имеют онтологических ограничений. Поэтому наши наблюдения основываются преимущественно на словаре сочетаемости [Osenova et al. 2012] и Национальном корпусе русского языка⁴, где есть подобные ограничения.

Исследуются подлежащие, выраженные номинальной группой, их семантические ограничения и перевод.

В болгарском синтаксическом корпусе страдательное подлежащее выражено именной группой 1128 раз и 186 – местоимением. В трех русских синтаксических корпусах страдательное подлежащее выражено 680 раз именной группой и 69 – местоимением. Данная статистика подтверждает приведенные выше замечания в [Иванова, Градинарова 2015] о большей распространенности страдательного залога в болгарском. Мы, однако, исследуем только конструкции с эксплицитно выраженным подлежащим.

На первый взгляд, глаголы при формальных страдательных подлежащих отличаются широким семантическим разнообразием, однако преобладают глаголы коммуникации, мыслительной деятельности, движения, принятия положения в пространстве. Внутри в рамках страдательных *се*-конструкций фиксируются преимущественно глаголы коммуникации (*Все по-често се споменават идеи за промяна*) или чувственного восприятия (*Чу се весело прихване, По лицето му се чете неудоволствие*). Это означает, что подлежащие чаще всего абстрактные объекты. Выборка из Русского национального корпуса с *ся/сь* включает 23 примера с онтологическим ограничением «лицо» и 29 примеров с конкретными объектами. При переводе таких конструкций на болгарский преобладают *се*-конструкции, что относится и к примерам с абстрактным подлежащим. Однако существуют и отклонения, которые будут рассмотрены далее.

---

² <http://universaldependencies.org/>

³ Виж 1. Корпусът SynTagRus не е използван, защото е много по-голям от българския корпус и няма съотносимост на явлениято.

⁴ <http://www.ruscorpora.ru/>

Еще большее семантическое разнообразие наблюдается в конструкциях со страдательным причастием: появляются, например, и глаголы движения (*За тази годишнина ще бъде връчено бойното знаме*), изменения состояния (*В него се подготвят пилоти; Очакваме да бъдат намалени митата*), помещения (*Всички уреди бяха разположени в стената*). С точки зрения онтологических ограничений представляет интерес то, что в 50 зафиксированных примерах со страдательным подлежащим, выраженным существительным, соотношение следующее: 29 абстрактных объектов (включая субстантивированные события), 12 лиц и 10 конкретных объектов.

В русских синтаксических корпусах распределение онтологических категорий для 50 произвольных примеров следующее: 25 абстрактных объектов, 17 конкретных объектов и 8 лиц. Пусть это и не кажется солидной выборкой, однако интерес представляет преобладающее употребление абстрактных объектов в качестве страдательного подлежащего. Отличие от болгарской выборки состоит только в том, что в ней лица и конкретные объекты почти одинаково частотны, в то время как в русской примеров с конкретными объектами в два раза больше.

В параллельном русско-болгарском подкорпусе Национального корпуса русского языка было зафиксировано 32 примера с подлежащим-лицом, 91 пример с конкретными объектами, 36 примеров с абстрактными объектами. Здесь соотношение между конкретными и абстрактными объектами различается: конкретные объекты более частотны. То, что примеры взяты из параллельного русско-болгарского корпуса, дает возможность сделать наблюдения, сохраняется ли при переводе страдательный залог.

Вопросы перевода

На болгарский язык исследуемые предложения передаются, как правило, с сохранением залоговой структуры. В единичных случаях происходит грамматическая трансформация – замена глагола с *-ся* на причастие и наоборот:

<...> *а теперъ нахал содържится в Петропавловской крепости*. (Ю.Тынянов). – <...> *и сега нахалникът е хвърлен в Петропавловската крепост* (Б.Мисирков). – *Какое-то отрадное чувство разлило во всех моих жилах* (М.Лермонтов). – *Някакво радостно чувство се разлива във всичките ми жили*. (Х.Радески).

При смене залога при переводе возможны несколько вариантов перестройки структуры предложения:

а) Перестановка формальных ролей в предложении: агенс, занимающий в исходном предложении позицию дополнения, становится подлежащим:

<...> *юный наглец бросил снежком в императора, но был задержан полицейским поручиком* (Ю.Тынянов). – <...> *младият безсрамник бил замерил със снежна топка императора, но един полицейски поручик го арестувал* (Б.Мисирков);

<...> не *удостоверением* *определяется* писатель, а тем, что он пишет! (М.Булгаков). – Не *картата прави* писателя, а *онова, което той пише* (Л.Минкова).

б) Агенс не указан в исходном предложении, а восстанавливается из контекста:
Телефон выключен (М.Булгаков). – *Исключиме телефона* (Б.Мисирков).

в) Подлежащее исходного текста сохраняется, но залог становится активным из-за выбора другого предиката (глагола в активном залоге):
А из зала—шум, трецит что-то, посуда бьется <...> (Стругацкие). – *А от залата се носи врява, нещо треци, стъкларията дрънчи* <...> (М.Асадуров).

г) При переводе предложений с причастием в качестве предиката возможна следующая трансформация: причастие становится согласованным определением к подлежащему:
Сапоги начищены, пуговицы пришиты (Б.Акунин). – *Лъснати ботуши, зашити копчета* (С.Бранц).

д) В единичном случае зафиксирован перевод русского причастия с помощью отглагольного существительного: *Но телефоны переносятся с запозданием* (М.Кольцов). – *Преместването на телефоните им обаче се забавя* (В.Райчев).

В целом, для перевода предложений в страдательном залоге характерно сохранение формальной структуры. В случае смены залога большее разнообразие грамматических трансформаций, а также их большая частотность, наблюдается при переводе предложений с предикатом, выраженным причастием прошедшего времени. Существует и некоторая зависимость изменения залога при переводе от онтологического типа подлежащего: это наименее характерно для предложений, где страдательное подлежащее относится к категории «лицо». В таких примерах зафиксировано лишь единичные примеры смены пассивного залога на активный.

Список литературы

Димитрова 2009: Димитрова М. Залог и диатеза: функциониране на залогови форми в текст // Проблеми на граматичната система на българския език – глагол. Българско езикознание. Т. 5. София: АИ «Проф. М. Дринов», 2009, с. 278 – 304.

Иванова, Градинарова 2015: Иванова Е.Ю, Градинарова А.А. Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского. М, 2015.

Пенчев 1984: Пенчев Й. Строеж на българското изречение. София: Наука и изкуство, 1984.

Osenova et al. 2012: Osenova, P., Simov, K., Laskova, L., Kancheva, S. A Treebank-driven Creation of an OntoValence Verb lexicon for Bulgarian. In: Nicoletta Calzolari, Khalid Choukri, Thierry Declerck, Mehmet Uğur Doğan, Bente Maegaard, Joseph Mariani, Jan Odijk, Stelios Piperidis (eds.) Proceedings of the Eight International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'12), Istanbul, Turkey. ELRA, pp. 2636–2640.